

УДК 94 (410):327(410)

**ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ПРОБЛЕМА СТАБИЛИЗАЦИИ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРОПОРЯДКА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.***О. А. Аршинцева***GREAT BRITAIN AND THE PROBLEM OF STABILIZATION OF VERSAILLES INTERNATIONAL
ORDER IN THE FIRST HALF OF THE 1920S***O. A. Arshintseva*

В статье предпринимается попытка пересмотреть устоявшиеся оценки британской политики в Европе и по-новому охарактеризовать роль Великобритании в становлении версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. В силу междисциплинарного характера темы в качестве методологической основы, наряду с историко-политическими, были привлечены методы многофакторного и системного анализа международных отношений. Автор исходит из того, что поворот в европейской политике Великобритании наметился в 1921 г. и был связан с разработкой комплексной внешнеполитической программы «европейской реконструкции». Основным предметом исследования является процесс формирования и реализации этой программы накануне и во время Генуэзской конференции 1922 г. Анализ дипломатических аспектов этого процесса основан на характеристике особого политического стиля и персональной дипломатии британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа. Хотя в результате Генуэзской конференции британская программа не была полностью реализована, ее цели не утратили своего значения в ряду британских внешнеполитических приоритетов в Европе в 1923 – 1925 гг. Автор приходит к заключению, что системный подход и преемственность, характерные для британской внешней политики, обеспечили Великобритании ведущую роль в процессе стабилизации версальского миропорядка начиная с 1921 г.

The paper attempts to reassess the British politics in Europe and to formulate a new vision of Great Britain's role in the development of Versailles international order in the first half of the 1920s. This interdisciplinary research was performed by using the methods of multifactor and system-analysis of international relation along with historical and political methods. The author notes that the turning point of Great Britain's European policy emerged in 1921 and was connected with developing a complex foreign policy programme of "European reconstruction". This policymaking process before and at the Genoa Conference of 1922 is researched in the paper. The study of the diplomatic aspects in the foreign policy implementation is based on the investigation of the personal political style and diplomacy of D. Lloyd George's, the British Prime-Minister at that time. Despite the British foreign policy aims were partly achieved at the Genoa Conference, the priorities of the British policy addressing European problems remained urgent in 1923 – 1925. The author concludes that the leadership of Great Britain in the Versailles order stabilization was provided by such basic features of British foreign policy as continuity and systematic political thinking.

Ключевые слова: внешняя политика Великобритании, версальский миропорядок, восстановление Европы, Генуэзская конференция.

Keywords: foreign policy of Great Britain, Versailles international order, reconstruction of Europe, Genoa Conference.

Трансформация международных отношений после Первой мировой войны охватывала разнообразные процессы, как связанные между собой, так и достаточно автономные – от перегруппировки сил в рамках глобальной и региональных систем до изменений дипломатических методов и механизмов принятия внешнеполитических решений. Одним из наиболее масштабных и выразительных в этом отношении является британский политический опыт. Он остается актуальным для исследователей международных отношений и политической модернизации XX столетия в силу нескольких причин, среди которых: свойственная британской политической культуре гибкость, спо-

собность реагировать на новые глобальные вызовы, прагматизм и озабоченность социальным консенсусом. В условиях разрушения предвоенного баланса сил и не сформировавшейся окончательно новой международной структуры британское руководство должно было по-новому сформулировать внешнеполитические приоритеты, объединив стратегическую цель упрочения империи с задачами воссоздания равновесия сил в Европе. Этот вызов носил объективный характер, поскольку коренился в структурных особенностях международной системы [2, p. 20 – 29, 68 – 78; 12]. В этом случае оказался востребованным уникальный опыт разработки большой стратегии в пред-

шествующем столетии, в условиях мирового доминирования Британской империи. Созданная по инициативе Великобритании Тройственная Антанта не предотвратила мировой войны (оставляя в стороне вопрос о причинах), однако сыграла решающую роль в победе над германской коалицией. Прагматизм британской политики, который выразился в начале XX в. в сближении с традиционным соперником в лице Российской империи, нашел новое выражение в послевоенной позиции в отношении Германии. Уступив глобальное лидерство США, Великобритания именно побежденному противнику отводила центральное место в своей европейской стратегии. Однако завершение Парижской мирной конференции 1919 г. не означало автоматического установления стабильного миропорядка, причем самым проблемным регионом оставалась Европа. Практически сразу после заключения мирного договора британское руководство вынуждено было признать, что слабость версальских постановлений – в том, что они не были подкреплены механизмом реализации, а процесс мирного урегулирования не сводится к частным компромиссам по вопросам безопасности, разоружения или репараций. В отечественной и зарубежной историографии утвердилось представление о том, что процесс стабилизации международных отношений в Европе был связан с преодолением последствий Рурского кризиса 1923 г. Применительно к британской политике в Европе этот тезис, как минимум, нуждается в уточнении – не только хронологическом. На наш взгляд, перелом в британской политике наметился еще до франко-бельгийской оккупации Рура, в конце 1921 – начале 1922 гг. и был связан с разработкой проекта «европейской реконструкции» и подготовкой Генуэзской конференции. Традиционный историко-политический подход в сочетании методами многофакторного и системного анализа международных отношений позволяет выявить истоки нового направления британской политики, его цели в контексте британских внешнеполитических приоритетов и оценить его результаты в среднесрочной перспективе. Актуальность проблемы связана с возможностью переосмыслить роль Великобритании как ведущего актора послевоенного урегулирования и оценить ее вклад в укрепление версальского миропорядка.

Импульсом к формированию этого курса послужило осознание британской политической элитой, что сложное переплетение экономических, политических и дипломатических факторов в международных отношениях требует нестандартных подходов. Олицетворением свободной от догм британской официальной позиции стал премьер-министр 1916 – 1922 гг. Д. Ллойд Джордж, который со времени Парижской конференции прислушивался к рекомендациям экспертов, нередко новаторского характера. Первым подверг резкой критике экономические принципы Версальского договора Дж. М. Кейнс, впоследствии известный экономист, а тогда молодой сотрудник министерства финансов, привлеченный к работе английской делегации в Париже. Идеи, высказанные в его нашумевшей книге «Экономические последствия

мирного договора», могут служить ключом к пониманию, почему уже к 1921 г. в европейской политике Великобритании наметился переход от разрозненных дипломатических усилий к разработке комплексной программы «европейской реконструкции» [1, р. 42 – 60]. Восстановление Европы невозможно без участия аутсайдеров европейской политики – побежденной Германии и Советской России, и широкомасштабная экономическая конференция является наиболее подходящим форматом для открытых дискуссий в духе «новой дипломатии».

Роль британского премьера в разработке и продвижении этого проекта широко представлена в современной английской историографии и не нуждается в подробном освещении, однако, для понимания степени его политического новаторства нам показалось интересным привлечь популярную концепцию американского политолога Дж. Ная, который в ряду условий для успешной внешней политики особое место отводит талантам политического лидера. Так, по мнению Ная, чтобы разработать эффективную внешнеполитическую стратегию, национальный политический лидер должен соответствовать следующим требованиям: внутренне ощущать направление и темп развития событий, проявлять изобретательность, предлагать приемлемые и осуществимые стратегии, уметь добиваться поддержки со стороны различных аудиторий дома и за рубежом, устанавливать четкие пропорции при использовании мягкой и жесткой силы. Следуя либерально-демократической традиции в определении критериев успешного лидерства, Най подчеркивает в ряду личных талантов руководителя умение использовать мягкую силу, которое предполагает наличие трех основных качеств. Во-первых, эффективное политическое видение, которое состоит в установлении баланса между реальностью и риском, между идеалами и возможностями. Во-вторых, знание себя, самодисциплина, что позволяет задействовать личное обаяние. В-третьих, коммуникативные способности, позволяющие воодушевить аудиторию дома и за рубежом. Иной набор качеств, по мнению Ная, обеспечивает эффективность использования жесткой силы. Это организаторские способности, которые гарантируют поступление достоверной информации; это политический профессионализм, который состоит в умении отбирать средства в соответствии с поставленными целями, накапливать политический капитал и расширять круг сторонников; наконец, это то, что принято называть «хорошо информированной интуицией» – способность определять направления перемен [10].

Ллойд Джордж был, без сомнения, крупнейшей фигурой не только на английской, но и европейской политической авансцене в первой половине 1920-х гг. Его политическим методам была присуща гибкость, он легко порывал с догмами и традициями, а если того требовали обстоятельства, то мог без труда поступаться принципами. Имея большой политический опыт и авторитет, он обладал здравым смыслом и был талантливым демагогом. Ллойд Джордж по праву считался одним из творцов версальской системы, но

при этом первым среди политиков стран-победительниц начал ратовать за отход от ряда принципиальных условий Версальского договора, в частности, в вопросе о германских репарациях. Стремление отстаивать британские интересы в Европе удачно сочеталось у него с личными претензиями на роль европейского лидера, основанными частью на том, что из руководителей держав Антанты, «делавших мир» в 1919 г., он единственный остался у власти в три последующих года.

Либеральная практика, сложившаяся во внутренней политике ряда стран, включая Великобританию, в начале XX в., получила распространение в международных отношениях в ходе перелома, наступившего к концу Первой мировой войны. Современники этих перемен и историки международных отношений характеризуют его как переход от закрытой, «кабинетной» дипломатии к новой и открытой, от жестко реалистичной к более либеральной внешнеполитической практике и риторике. Признанным идеологом «новой дипломатии» стал американский президент В. Вильсон. Однако его популярность не могла затмить репутацию британского премьер-министра. В европейской политике начала 20-х гг. именно он стал лицом «новой дипломатии». Среди миротворцев высшего политического ранга он единственный продолжил карьеру после 1922 г. и оставил самые подробные мемуары – военные и знаменитую книгу «Правда о мирных договорах», ставшие классикой жанра, образцовой политической автобиографией. Посвященная ему литература впечатляет количеством биографических работ даже на фоне известной английской традиции писания политических биографий. Этот интерес закономерен, учитывая своеобразие его политической карьеры, яркое своеобразие политического стиля и реальный вклад в национальную политическую культуру.

Собственно внешняя политика и персональная дипломатия Ллойда Джорджа связаны с периодом 1916 – 1922 гг., когда он возглавлял правительство и имел реальные возможности влиять на внешнеполитическую стратегию Великобритании. Исключительный интерес к европейским проблемам можно объяснить объективными причинами: исключительным значением европейского театра военных действий, самими условиями мирного урегулирования, характером отношений с партнерами по Антанте и противником, а также возросшей к концу войны внешнеполитической активностью доминионов. Именно европейские интересы Великобритании, сконцентрированные вокруг германской проблемы, русского вопроса и европейской безопасности, потребовали наиболее существенного пересмотра в процессе перехода от войны к миру и мирного урегулирования. В силу особой сложности, новизны и остроты они представляли новый вызов для руководителей внешней политики, поскольку предполагали методы, далекие от традиционного набора «старой» дипломатии. Европейский миротворческий процесс давал публичному политику исключительные возможности: если в национальных масштабах Ллойд Джордж считал своей трибуной не парламент, а страну, то трибуны международных конфе-

ренций – Парижской 1919 г. до Генуэзской 1922 г. – еще больше отвечали его амбициям.

Из всех европейских лидеров послевоенного периода Ллойд Джордж наиболее соответствовал вызовам времени. Весь его предыдущий политический опыт, особенности характера и темперамент соединились в персональном политическом стиле, резко выделявшем его из тогдашней британской политической элиты. Происхождение, образование, конфессиональная принадлежность, радикализм на ранних этапах парламентской карьеры, отсутствие уважения к традициям характеризовали его как аутсайдера политического класса в предвоенный период. Будучи одним из идеологов и инициаторов социальных реформ накануне войны, Ллойд Джордж приобрел исключительный – на фоне его коллег по либеральному правительству – опыт социального посредничества и ведения переговоров с тред-юнионами. Не случайно, что для него главным мотивом поддержки официального решения о вступлении Великобритании в войну стала идея сохранения единства нации. Принцип консолидации национальных сил лежал в основе его предпочтений в пользу коалиционной структуры правительства как наиболее соответствующей кризисным условиям войны и переходного периода. Собственно сам Ллойд Джордж и возглавлял сначала военный кабинет такого типа (1916 – 1918 гг.) и послевоенную коалицию.

Будучи либералом по партийной принадлежности, он не считал нужным хранить верность идеологическим догмам либерализма (в частности, лессеферизму) и поэтому стал одним из инициаторов усиления государственного регулирования экономики в годы войны. Не испытывая особого преклонения перед традиционными политическими институтами, он на посту премьер-министра произвел институциональные преобразования ради более эффективной исполнительной власти. Но самым ярким примером пренебрежения к традициям стала внешнеполитическая сфера. В противоположность исключительному влиянию Форин офиса и его главы Э. Грея на предвоенную внешнюю политику Ллойд Джордж сосредоточил руководство процессом мирного урегулирования, европейской и ближневосточной политикой в своих руках, возложив на секретариат и советников, а не на штатных сотрудников министерства разработку внешнеполитических проектов. Это чрезвычайно расширяло возможности для внешнеполитических маневров и в сложных послевоенных условиях позволяло проводить гибкую политику. В германском вопросе он прошел путь от предвыборного лозунга 1918 г. «Немцы за все заплатят!» до фактической ревизии репарационной схемы в Каннской резолюции 1922 г. В отношении Советской России от непризнания его позиция эволюционировала до идеи привлечения в проект европейской реконструкции 1921 – 1922 гг. В случае успеха он мог противостоять обвинениям со стороны консерваторов-традиционалистов в дилетантизме, но и плата за неудачи была персонально высокой – а именно, премьерский пост.

Особый политический стиль Ллойд Джорджа, во многом нетрадиционный подход к проблемам внешней политики, его опыт участия в решении послевоенных международных проблем и, наконец, политические амбиции объясняют феномен «дипломатии Ллойд Джорджа» и его руководящую роль в формировании и осуществлении европейской политики Великобритании. Премьер-министр, опираясь на штат советников и личных помощников, по существу, отодвинул на второй план министра иностранных дел Керзона и Форин офис с их более традиционными дипломатическими методами и довольно многочисленным штатом чиновников.

Ллойд Джордж и его сторонники, в отличие от общеизвестной более жесткой антисоветской позиции большинства консерваторов, ратовали за изменение политики в отношении России и с определенными надеждами восприняли переход к нэпу как признак реставрации капитализма. Премьер-министр полагал, что Великобритания должна играть ведущую роль в процессе нормализации отношений между Западом и Советами. В качестве альтернативы действиям Американской администрации помощи Г. Гувера и миссии Ф. Нансена от имени Красного Креста глава английской министерства торговли Ф. Ллойд Грим предложил в сентябре 1921 г. проект международной помощи России, а в октябре по официальной инициативе Верховного Совета Антанты состоялась международная встреча в Брюсселе, на которой присутствовали не только представители стран Антанты, но и – по настоянию Англии – германские делегаты, правда, без права голоса. Британский проект также был призван нейтрализовать неудачу международной комиссии И. Нуланса, в которой ведущая роль принадлежала Франции. Он предполагал предоставление внешних кредитов России объединением всех западных стран, включая Германию, и был принят без особых дискуссий [5, p. 782 – 785].

Следующим логическим шагом по реализации брюссельского проекта с английской стороны стала идея созыва международной конференции, которая была высказана также и в известной ноте советского правительства от 28 октября 1921 г., содержавшей условия нормализации отношений России и Запада. С целью подготовки к будущей конференции ближайшие советники Ллойд Джорджа приступили к разработке новой правительственной программы урегулирования экономических и политических отношений в Европе, исходя из уже произошедших изменений британской позиции в германском вопросе, самым сложным аспектом которого были репарации.

Репарационный вопрос фокусировал две линии послевоенных противоречий в Европе – англо-французские, во-первых, и между союзниками и побежденной Германией, во-вторых. После принятия в мае 1921 г. новой схемы репарационных платежей и провозглашения правительством Й. Вирта «политики выполнения» британская сторона в дискуссиях с Францией взяла на вооружение идею платежеспособности Германии как основе репарационных претензий. Этот принцип по сути воспроизводил ранее вы-

сказанный Кейнсом тезис о том, Германия является ядром хозяйственной системы всей Европы и без восстановления первой невозможно возрождение второй, а необоснованные репарационные претензии препятствуют этому. Восстановление экономических связей на континенте важнее репараций – основной британский тезис – причина разногласий с французской позицией и основа англо-германского сближения в репарационном вопросе. Не буква, но дух упомянутой «политики выполнения» правительства Вирта был ориентирован на английскую поддержку. Эта политика, хотя и имела оппозицию в лице германских «ревизионистов», давала возможность более гибким германским руководителям одновременно демонстрировать и добрую волю относительно репарационных обязательств, и разрушительные результаты их выполнения. Это позволяло германскому правительству претендовать на партнерство в решении европейских проблем и одновременно пытаться уменьшить репарационные платежи. Вирт надеялся, что Англия в ближайшее время признает ревизию Лондонской схемы платежей, и эти его надежды активно поддерживал английский посол в Берлине д'Абернон, известный своей прогерманской позицией [3, p. 217].

Особым фактором англо-германского сближения в 1921 г. стала инициатива германского правительства по нормализации экономических отношений с Советской Россией, предпринятая во второй половине 1921 г. Для Вирта и других сторонников лавирования между восточной и западной ориентацией германской политики сближение с Россией, это предложение, кроме его экономических перспектив, было еще и политическим средством воздействия на победителей. Дополнительным экономическим доводом в пользу возобновления германского экспорта в Россию была перспектива пустить часть доходов от него на выплату репараций. В Лондоне сумели оценить этот проект, поскольку в целом он не противоречил новым подходам европейской политики Великобритании.

Первоначальный вариант программы «европейской реконструкции», исходивший от министерства финансов во главе с единомышленником премьера Р. Хорном, предусматривал объединение репарационного вопроса, межсоюзнических долгов и восстановления российской и восточноевропейской экономики. Эта идея импонировала Ллойд Джорджу, который руководствовался и чисто политическими соображениями: выступив с новой внешнеполитической инициативой, он подтвердит свою репутацию европейского лидера первой величины, что, в свою очередь, обеспечит запас прочности в непростом для него внутреннем положении [8, p. 140 – 145].

Дипломатически самой сложной проблемой подготовительного этапа стало согласование британской и французской позиций по повестке будущей конференции, особенно по репарационному вопросу и признанию Советской России. Ценой участия Франции в конференции стал репарационный вопрос, который по настоянию французского премьера во время встречи с Ллойд Джорджем был окончательно исключен из ее повестки [4, p. 125].

Однако, Ллойд Джордж, в совершенстве владевший мастерством политической демагогии, сумел представить как несущественные уступки Франции и консервативной оппозиции (по вопросу признания Советской России). Выступая в парламенте с изложением своей программы в апреле 1922 г., он сделал упор на ее главной цели – коренном улучшении экономической ситуации в Европе, результатом которого будет повышение платежеспособности Германии, а значит и выполнение ею репарационных обязательств [11, cols 1883 – 1902]. В итоге большинством голосов палаты правительственная программа была принята, премьер получил необходимые полномочия, и формально подготовка английской стороны к переговорам в Генуе завершилась.

Известно, что Генуэзская конференция не оправдала большинства английских расчетов и личных ожиданий премьера, который связывал ее результаты с упрочением своего внутривластного положения. В условиях, когда три четверти членов кабинета были настроены нелояльно по отношению к премьер-министру [6, p. 197], Генуэзская конференция, по словам самого Ллойд Джорджа, должна была восстановить «его звезду в зените» [13, p. 368]. Однако даже он сам, выступая 25 мая 1922 г. в парламенте, не мог оценить итоги конференции как безоговорочный успех [11, cols 2564 – 2587]. Главным разочарованием британского премьера стал известный Рапалльский договор между Россией и Германией, заключенный во время работы конференции. Его сепаратный, по западным оценкам, характер опровергал основной тактический принцип английской дипломатии – держать под контролем действия германской стороны, чтобы предотвратить ее самостоятельные двусторонние контакты, особенно с советской делегацией. По смыслу этот договор не соответствовал британскому видению целей конференции в формулировках Ллойд Джорджа: восстановление финансовых и торговых связей, улучшение дипломатических контактов и преодоление споров, угрожающих миру в Европе. Советско-германский договор выводил отношения между двумя самыми «проблемными» странами послевоенной Европы за рамки комплексной программы «европейской реконструкции», на которой настаивала английская дипломатия. Коль скоро Ллойд Джордж претендовал на личное руководство этими действиями, то должен был принять и персональную ответственность за скромные достижения британской политики и конференции в Генуе. Однако, если рассматривать их в русле традиционного для британской политики континуитета, то сам факт советско-германского сближения в качестве нового вызова скорее стимулировал перемену дипломатической тактики у преемников Ллойд Джорджа, как консерваторов, так и лейбористов, не отменяя стратегических целей европейской политики.

Следует подчеркнуть, что сами идеи многостороннего и равноправного участия всех заинтересованных стран в политическом и экономическом процессах европейского восстановления не просто отвечали конъюнктуре момента, а несли в себе зародыши новых тенденций в международных отношениях. К

ним можно в первую очередь отнести стремление преодолеть сложившуюся конфронтацию между Западом и Советской Россией, победителями и побежденными, т. е. более конструктивно отнестись к негативному опыту мировой войны и революций.

Оценивая достижения британской внешней политики и дипломатии в Европе в период перехода от войны к миру в первой половине 20-х гг., следует признать лидирующую роль Великобритании в экономической и политической стабилизации на континенте. Именно по инициативе британского руководства были проведены Генуэзская 1922 г., Лондонская 1924 г. и Локарнская 1925 г. [7] конференции, на которых рассматривались проблемы европейской реконструкции. Не случайно, что сквозной линией европейской политики Великобритании стала эволюция официальной позиции по германской проблеме, которая как в фокусе соединяла основные линии международной напряженности: в отношениях между бывшими союзниками, победителями и побежденной Германией, европейскими странами и Советской Россией [14]. Частичная ревизия версальских постановлений, первоначально неумеренно жестких по отношению к Германии, ослабление англо-французских связей и либерализация политики относительно Советской России – все это стало возможным при условии сохранения консенсуса в британском политическом истеблишменте. Действие традиционных для британской политической практики механизмов осложнялось как внутренними, так и внешними изменениями. К первым следует отнести активную перегруппировку партийно-политических сил, длившуюся с 1918 до 1925 гг., сопровождавшуюся необычно частой сменой правящих кабинетов (с их партийной принадлежностью и формой), закатом Либеральной партии, выдвижением лейбористов на политическую авансцену и консолидацией консерваторов. При этом внешнеполитические проблемы оказывались, как никогда прежде, в самом центре острейших дискуссий в парламенте, правительстве и на страницах периодических изданий. На протяжении всего периода официальный курс в германском вопросе, по отношению к Франции и Советской России вызывал неизменную критику справа (даже премьеров-консерваторов А. Бонар Лоу и С. Болдуина) и слева со стороны официальной и внутривластной оппозиции. Примечательно, что леволиберальное и лейбористское крыло политического спектра выступало под популярными лозунгами «новой дипломатии», отвечавшим пацифистским настроениям, которые широко распространились в воюющих странах и международном социалистическом движении на заключительном этапе войны. Известно, что идея Лиги наций и первые предложения ревизии Версальского договора (Дж. М. Кейнс) были высказаны английскими политиками и экспертами. Активность левой оппозиции в указанном направлении и ее открытость международным пацифистским веяниям создавали общественную среду, в которой британские политики вынуждены были осваивать методы и приемы открытой дипломатии. Оставляя в стороне вопрос, насколько искренним и последова-

тельным был указанный поворот, но отказ от старой, кабинетной политики декларировали не только либерал Д. Ллойд Джордж [8] и лейборист Р. Макдональд, но и их коллеги-консерваторы. Все они так или иначе заявляли о необходимости сохранения прочного мира и экономического процветании Европы в качестве главных целей британской политики. С этого времени новая внешнеполитическая риторика прочно вошла в инструментарий британской дипломатии, довольно органично сочетаясь с традиционным прагматизмом и реалистским подходом к национальным интересам. Показательна в этом отношении практика проведения международных конференций с программой обсуждения наиболее острых проблем – безопасности, репараций и экономической реконструкции, военных долгов, статуса Германии и признания Советской России. В качестве популярного дипломатического инструмента они наиболее соответствовали политическому стилю и темпераменту Д. Ллойд Джорджа и Р. Макдональда, именно по этому поводу в случае неуспеха, как, например, Генуэзской конференции, оба премьера подвергались критике за непрофессио-

нализм и дилетантство, что, однако, не мешало их преемникам-консерваторам – тому же О. Чемберлену в Локарно – прибегать к подобным инициативам.

Таким образом, и в программно-стратегическом направлении, и в дипломатической тактике британские политические лидеры в рассматриваемый период вполне органично соединяли традиции и новации, адаптируя политические институты и механизмы к меняющимся международным и внутренним условиям. Известный британский исследователь Ф. Нортидж подвергает внешнюю политику межвоенного периода серьезной критике именно за устойчивую преемственность, выразившуюся и в курсе на «умиротворение» Германии, и в ее надпартийном характере, поэтому связывает неудачи в предотвращении новой мировой войны с известным догматизмом позиции Великобритании [9]. Высказанная корифеем британской историографии критическая оценка, безусловно, заслуживает внимания, но не умаляет, на наш взгляд, конструктивных начал британской внешней политики и ее вклада в становление международных институтов современного типа.

Литература

1. Berend I. An Economic History of Twentieth-Century of Europe. Cambridge, 2006.
2. Cohrs P. The Unfinished Peace after World War I. America, Britain and the Stabilization of Europe, 1919 – 1932. Cambridge, 2006.
3. D’Abernon. From Versailles to Rapallo, 1919 – 1922. The Dairy of Ambassador. London, 1929.
4. Document on British Foreign Policy. First ser. Vol. XX. London, 1976.
5. Fink C. The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921 – 1922. London, 1976.
6. Johnes T. Whitehall Dairy. Vol. 1. London, 1969.
7. Locarno Revised: European Diplomacy 1920 – 1929 / Ed. By G. Johnson. London, 2004.
8. Morgan K. O. Consensus and Disunity. The Lloyd George Coalition Government, 1918 – 1922. Oxford, 1979.
9. Northedge F. S. The Troubled Giant. Britain among the Great Powers 1916 – 1939. London, 1966.
10. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004.
11. Parliamentary Debates. House of Commons. 5th ser. Vol. 152.
12. Retreat from Power: Studies in Britain's Foreign Policy of 20th cent / Ed. by D. Dilks. Vol 1 1906 – 1939. London, 1981.
13. Ridell G. A. Lord Ridell’s Intimate Dairy of Peace Conference and after, 1918 – 1923. London, 1937.
14. Salzman S. Great Britain, Germany and the Soviet Union. Rapallo and after, 1922 – 1934. Woodbridge (UK), 2003.

Информация об авторе:

Аршинцева Ольга Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (г. Барнаул), arol-s@yandex.ru.

Olga A. Arshintseva – Candidate of History, Professor at the Department of World History and International Relations, Altai State University (Barnaul).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.